ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ.

Разсказъ къ его характеристикѣ.

Предлагаемый разсказъ, сохранившійся въ моихъ замѣткахъ, записанъ мною еще въ 1833 г., со словъ бывшаго тогда моего, по 8-й резерв. артиллерійской ротѣ, командира капитана Н. Ф. Демора, который прежде того служилъ въ военныхъ поселеніяхъ, и едва ли не самъ былъ свидѣтелемъ сцены объясненій съ гр. Аракчеевымъ дѣйствующаго въ разсказѣ поручика Долгорукова,—не князя, умершаго, какъ надобно полагать въ 1826—1827 годахъ.

К. А. Измайловъ.

Въ молодости моей, въ тридцатыхъ годахъ, еще были свѣжи воспоминанія и разсказы о графѣ Аракчеевѣ тѣхъ лицъ, которыя служили въ военныхъ поселеніяхъ. Съ однимъ изъ такихъ поселенцевъ пришлось и мнѣ встрѣтиться по службѣ моей въ артиллеріи. Съ горечью передавалъ онъ намъ, молодымъ сослуживцамъ своимъ, тѣ тяжелыя впечатлѣнія, которыя были вынесены имъ изъ его пребыванія въ этихъ «скитахъ», какъ называлъ онъ угрюмыя, однообразныя связи построекъ Новгородскихъ военныхъ поселеній. Эти разсказы переполнены были повѣствованіями о такихъ дѣяніяхъ временщика, которыя могутъ казаться баснословными. Графъ Аракчеевъ не терпѣлъ противорѣчій, не выносилъ возраженій, и горе было тому, кто порицалъ его распоряженія. Грубый по природѣ, подозрительный, злой и мстительный по характеру, пользуясь широкою властью, онъ не разбиралъ средствъ для преслѣдованія и кары своихъ антагонистовъ: только лесть и безпрекословная покорность его волѣ, были имъ отличаемы. Обладавшіе этими добродѣтелями могли надѣяться на его снисхожденіе. Вотъ одинъ изъ образчиковъ, подтверждающій эти прекрасныя доблести знаменитаго графа Алексѣя Андреевича,—фактъ, переданный мнѣ бывшимъ моимъ сослуживцемъ.

Въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ, кипѣли работы по созданію военныхъ поселеній. Извѣстно, что исполнителями ихъ были большею частью артиллерійскіе офицеры, такъ какъ Аракчеевъ почему-то не долюбливалъ инженеровъ—и эти послѣдніе были только составителями смѣтъ и проэктовъ. Впрочемъ, и самъ хозяинъ зорко слѣдилъ за производившимися работами, поощряя по своему усердныхъ и карая нерадивыхъ. Офицеровъ, желавшихъ служить въ поселеніяхъ, почти не встрѣчалось, и они были переводимы туда, большею частью, по распоряженію начальства, т. е. по указанію графа или по рекомендаціи тѣхъ начальниковъ, которымъ онъ болѣе довѣрялъ—и вотъ такая доля выпала и на артиллерійскаго поручика Долгорукова, даровитаго, бойкаго и смѣлаго молодаго офицера. Онъ служилъ гдѣ-то на югѣ — и волею, неволею, по послѣдовавшему приказу о переводѣ его въ военныя поселенія, былъ немедленно отправленъ къ мѣсту назначенія. Это было въ исходѣ зимы. Проѣзжая по почтовой дорогѣ отъ Москвы до Новгорода, Долгоруковъ вечеромъ остановился на одной изъ почтовыхъ станцій, чтобы погрѣться чаемъ. Покончивъ эту операцію, онъ сталъ собираться въ дальнѣйшій путь, какъ вдругъ зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ— и храпъ остановившихся подъ окнами лошадей далъ знать о прибытіи на станцію новаго проѣзжаго, а вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ комнату пожилой господинъ, въ помятой артиллерійской фуражкѣ, закутанный въ поношенную енотовую шубу.

Вновь прибывшій проѣзжій, пытливо осмотрѣвъ Долгорукаго. привѣтливо поклонился ему — и Долгоруковъ почтительно отвѣтилъ на поклонъ старика.

— А, артиллеристъ, мое почтеніе, куда ѣдете? спросилъ проѣзжій.

— Въ военныя поселенія—былъ отвѣтъ.

— А, къ Аракчееву, ну и хорошо—заключилъ проѣзжій, усаживаясь на кожаный диванъ.

— Къ сожалѣнію, ничего не предвижу въ этомъ хорошаго — съ горечью возразилъ Долгоруковъ.

— Да почему же такъ, или служба тамъ тяжела?

— Не служба, а жизнь. Кто не знаетъ графа, этого жесткаго и жестокаго человѣка, у котораго нѣтъ сердца, который не оцѣниваетъ трудовъ своихъ подчиненныхъ, не уважаетъ даже человѣческихъ ихъ правъ, съ горячностью заключилъ Долгоруковъ.

— Вотъ какъ; а я такъ знаю, что Аракчеевъ только лентяевъ и вертопраховъ не любитъ, пьяницъ и мотовъ преслѣдуетъ, а хорошему слугѣ и у него хорошо—протяжно проговорилъ проѣзжій, пристально глядя на Долгорукова.

— Хорошо слугѣ, который льститъ ему, слугѣ, который.....

— Смѣленько, смѣленько, молодой человѣкъ, смѣленько осуждаете человѣка, котораго знаете только по слухамъ — нѣсколько сурово замѣтилъ проѣзжій.

— Не я одинъ осуждаю его — поспѣшилъ оправдаться Долгоруковъ, торопливо собираясь выйти изъ комнаты.

— Мое почтеніе, желаю счастливаго пути, доброй службы и совѣтую не слушаться дураковъ—можетъ быть увидимся—проговорилъ незнакомецъ на прощальный поклонъ Долгоруковъ.

Въ воротахъ, при выходѣ его на улицу, прошмыгнулъ кто-то мимо его, въ военной шинели и въ фуражкѣ солдатскаго покроя, и прошелъ на крыльцо станціоннаго дома—«это слуга проѣзжаго», подумалъ Долгоруковъ и злая догадка промелькнула въ его головѣ. Послѣднія слова проѣзжаго: «можетъ быть увидимся»—нѣсколько его озадачили.

— А что, если это самъ Аракчеевъ—невольно подумалось ему.— Вотъ попался!

Но почтовая тройка тронулась, зазвенѣлъ колокольчикъ—и Долгоруковъ помчался ухарскою прытью ямской ѣзды, какою славилась Русь до искрещенія ея сѣтью желѣзныхъ дорогъ, и на другой день, вечеромъ, путникъ былъ уже у цѣли своего путешествія.

Явившись къ новому своему начальству, онъ узналъ, что всѣ прибывающіе на службу въ поселенія должны были непремѣнно представляться къ самому графу и какъ графъ наканунѣ выѣхалъ въ южныя поселенія, то Долгорукову и предстояло исполнить этотъ долгъ по возвращеніи его.

Извѣстіе, что Аракчеевъ уѣхалъ «наканунѣ» непріятно отозвалось въ ушахъ Долгорукова и теперь онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что въ дорожномъ незнакомцѣ встрѣтилъ страшнаго своего начальника. Съ пріѣзда своего, въ теченіи трехъ недѣль, Долгоруковъ былъ безъ дѣла, и однако никому не промолвился о своей встрѣчѣ, ожидая разрѣшенія своей догадки и придумывая средства, какъ выдти изъ затруднительнаго положенія, если бы эта догадка оправдалась Но вотъ, наконецъ, разъ вечеромъ, онъ получилъ форменную записку, содержащую въ себѣ приказаніе: «Ваше благородіе, имѣете честь завтра въ 10 часовъ представиться его сіятельству». Тревожно проведена была Долговуковымъ наступившая ночь. На другой день, за часъ до назначеннаго времени для представленія графу, онъ уже былъ въ знаменитомъ Грузинѣ, резиденціи графа. Войдя въ залу, назначенную для представленія, Долгоруковъ нашелъ уже тамъ двухъ, трехъ офицеровъ. Но вслѣдъ за тѣмъ молча, тихо, какъ бы подъ

давленіемъ страха или благоговѣнія, стали входить новыя лица—и скоро вся зала наполнилась военными чинами разныхъ родовъ войскъ, начиная съ генерала до прапорщика. Въ ожиданіи чего-то въ залѣ царила глубокая тишина, нарушаемая изрѣдка порывистымъ шопотомъ рѣчи старшихъ чиновъ. У одной изъ запертыхъ дверей стоялъ на вытяжку офицеръ въ парадной формѣ: это былъ дежурный. Дверь, на которую часто обращались взоры присутствовавшихъ, вела во внутренніе покои графа. Но вотъ дверь отворилась, всѣ встрепенулись — и изъ нея вышелъ какой-то генералъ съ бумагою въ рукѣ.

— Клейнмихель!—шепнулъ Долгорукову сосѣдъ его.

Онъ былъ начальникъ штаба военныхъ поселеній. Генералъ, раскланявшись съ присутствовавшими генералами, развернулъ бумагу, оказавшуюся спискомъ представляющихся графу — и сталъ по ней приводить длинный строй ихъ въ порядокъ вокругъ залы. Окончивши эту провѣрку, Клейнмихель удалился въ завѣтную дверь, а въ залѣ водворилась мертвая тишина. Но не прошло и пяти минутъ, какъ та же дверь снова отворилась, и изъ нея вышелъ старый генералъ, сопровождаемый Клейнмихелемъ.

Сердце бѣднаго Долгорукова дрогнуло и крѣпко забилось: это былъ онъ, проѣзжій, встрѣченный имъ на станціи, это былъ самъ Аракчеевъ, которому Долгоруковъ высказалъ о немъ же самомъ столько дерзкихъ истинъ.

Аракчеевъ, войдя въ залу, остановился, суровымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ, какъ будто отыскивая кого-то взоромъ своимъ—и Долгорукову показалось, что этотъ обзоръ заключился на немъ. Но вотъ началось и самое представленіе. Генералъ Клейнмихель по списку именовалъ представляющихся: графъ однихъ обходилъ молча, другимъ выражалъ за что-то свое одобреніе, а нѣкоторымъ строго выговаривалъ. Но вотъ дошла очередь и до Долгорукова. Начальникъ штаба громко прочелъ:

— Поручикъ Долгоруковъ, переведенный изъ.....

Аракчеевъ не далъ докончить генералу его доклада.

— Мое почтеніе—сказалъ онъ Долгорукову полунасмѣшливо, носовою нотою—и тотъ отдалъ ему почтительный поклонъ.

— Мое почтеніе—повторилъ графъ, съ особеннымъ удареніемъ— и тотъ снова повторилъ такой же поклонъ.

— Мы съ нимъ старые знакомые—сказалъ Аракчеевъ, обернувшись къ начальнику штаба.—Не такъ ли?—обратившись снова къ Долгорукову и пристально глядя на него, спросилъ его графъ.

— Въ первый разъ имѣю счастіе представляться вашему сіятельству,—смѣло отвѣтилъ Долгоруковъ.

— Какъ въ первый разъ? а помнишь станцію на Московской дорогѣ? помнишь, какъ ты честилъ меня?

— Я говорилъ съ проѣзжимъ, ваше сіятельство.

— О, да ты, я вижу, молодецъ на словѣ, каковъ-то на дѣлѣ?— Повторяю тебѣ, что Аракчеевъ дураковъ и лентяевъ не терпитъ. Пусть онъ будетъ по твоему такой-сякой, а посмотримъ, ты какой.

— Петръ Андреевичъ!—обратился графъ къ Клейнмихелю,—поручить поручику Долгорукову постройку номера..... При этомъ Аракчеевъ назвалъ номеръ предполагавшейся постройки какого-то новаго зданія, близъ самаго Грузина.

Во все время этой сцены въ залѣ царила мертвая тишина. Отдавъ это приказаніе относительно Долгорукова; и затѣмъ пасмурно, съ мѣста, обозрѣвъ все остальное собраніе представлявшихся, Аракчеевъ удалился. — Всѣ стали расходиться. — По выходѣ изъ дома нѣсколько лицъ обратилось къ Долгорукову съ разспросами о знакомствѣ его съ графомъ,—и на объясненія свои о томъ, онъ выслушалъ предупрежденіе: — «Будьте осторожны, вамъ предстоитъ тяжкое испытаніе».

Работы по устройству военныхъ поселеній открывались рано весною: графъ торопился окончаніемъ ихъ. Черезъ двѣ, три недѣли долженъ былъ начаться египетскій трудъ. Въ это время Долгоруковъ получилъ для соображенія всѣ письменныя и словесныя наставленія. Такъ какъ порученная ему постройка находилась близехонько отъ Грузина, то онъ догадывался о цѣли этого распоряженія, и приготовился къ борьбѣ со всякою случайностью.

Но вотъ, наконецъ, настала и самая пора работъ. и молодой офицеръ со всею горячностью предался порученному дѣлу. Отрѣшившись ото всѣхъ знакомствъ, товарищескихъ связей, бросивши всѣ постороннія занятія, онъ только и помышлялъ о томъ, какъ выдти ему изъ того тяжкаго положенія, въ какое онъ поставилъ себя своею опрометчивостью: онъ думалъ, что его труды и усердіе все-таки укротятъ затаенный гнѣвъ графа. — Прошло нѣсколько дней отъ начала его занятій, какъ вдругъ графъ пожаловалъ для осмотра работъ. Осмотрѣлъ ихъ, и, не сказавъ ни слова, удалился. Не прошло послѣ того и двухъ дней—новое посѣщеніе графа, потомъ скоро не замедлилось и третье—и всѣ три въ разные часы дня. Долгоруковъ понялъ, что надобно не дремать, а быть постоянно на сторожѣ и вооружился терпѣніемъ. Чтобы еще ближе быть къ работамъ, онъ расположился бивуакомъ въ одномъ изъ рабочихъ сараевъ — и ночь только отдалъ себѣ. Съ раннею утреннею зарею онъ уже былъ на работахъ и съ вечернею возвращался въ свой сарай на ночлегъ, а графъ неустанно посѣщалъ и посѣщалъ его, но всегда заставалъ строителя на

мѣстѣ работъ. Уже Долгоруковъ слышалъ отъ графа и слово одобренія: «хорошо, молодецъ», и было за что. Работа подъ наблюденіемъ Долгорукова дѣйствительно кипѣла—и онъ далеко опередилъ своихъ товарищей по той же профессіи. Въ срединѣ лѣта постройка была совершенно окончена—и черезъ недѣлю послѣ того Долгоруковъ запискою былъ приглашенъ представиться графу.

— Ну, поздравляю тебя, ты штабсъ-капитанъ—обратился Аракчеевъ къ представлявшемуся ему Долгорукову. Повторяю тебѣ, что Аракчеевъ лентяевъ и дураковъ не жалуетъ, но усердіе и труды оцѣниваетъ.

Сказавши это, графъ тутъ же передалъ приказаніе генералу Клейнмихелю о порученіи Долгорукову новой работы.

Какъ ни обрадовался Долгоруковъ чину штабсъ-капитана, который въ то время весьма туго доставался въ артиллеріи, но едва ли не болѣе былъ опечаленъ новымъ порученіемъ. Онъ не боялся труда, но его крѣпко возмущалъ надоѣдливый надзоръ за нимъ графа.

Но и новая работа была окончена и также благополучно, какъ и предшествовавшая, съ тѣмъ же благоволеніемъ графа, и заключилась новою наградою Долгорукова, Такимъ образомъ, два съ половиною года тянулись тяжкія для него испытанія и за это время онъ успѣлъ получить и чинъ капитана, и орденъ. Графъ видимо благоволилъ къ нему и даже отличалъ своимъ довѣріемъ, — но, къ несчастію, капитанъ Долгоруковъ зазнался передъ своимъ грознымъ начальникомъ.

Въ то время, когда графъ Аракчеевъ, увлекаемый идеею создать что-то необыкновенное изъ устройства военныхъ поселеній, такъ ревниво преслѣдовалъ малѣйшее порицаніе этой идеи, онъ встрѣтилъ въ лицѣ Долгорукова непрошеннаго, дерзкаго противника своей завѣтной мысли. Долгоруковъ находилъ, что устройство военныхъ поселеній, обращеніе мирныхъ поселянъ съ ихъ потомствомъ въ пахатныхъ воиновъ, не только не можетъ принести пользы, но въ будущемъ готовитъ непоправимое зло и грустныя послѣдствія. Отъ мнѣнія Долгоруковъ перешелъ къ дѣлу: въ обширной запискѣ онъ изложилъ свой взглядъ по этому предмету и критически отнесся къ этому нововведенію, пророча ему въ будущемъ полную несостоятельность и самую отмѣну его. Эту несчастную записку онъ имѣлъ смѣлость представить черезъ начальство своему грозному принципалу. Исторія умалчиваетъ, съ какимъ чувствомъ читалъ графъ эту записку, но только она скоро возвратилась по начальству же къ ея автору, съ лаконическою, энергично помѣткою рукою Аракчеева: «дуракъ, дуракъ, дуракъ!»—Говорили, что и посредствующему начальству передача этой записки обошлась не легко.

Но Долгоруковъ не угомонился. Оскорбленное ли самолюбіе, увѣренность ли его въ непогрѣшимость своего мнѣнія, изложеннаго въ запискѣ, и наконецъ не упрямая ли настойчивость подстрекнули Долгорукова, но онъ успѣлъ, вѣроятно, при помощи враговъ графа, а ихъ было у него не мало, довести свою записку до свѣдѣнія императора Александра Павловича. Государь прочиталъ записку — и она была имъ обращена къ графу Аракчееву, съ изображенною на ней, какъ говорили, такою приблизительно резолюціею государя: «прочиталъ съ удовольствіемъ, нашелъ много дѣльнаго и основательнаго, препровождаю на вниманіе графа Алексѣя Андреевича».

Можно себѣ представить то раздраженіе графа, въ какое онъ былъ приведенъ дерзкою настойчивостью Долгорукаго.—Муравей осмѣлился возстать на слона—и безпощадно былъ раздавленъ имъ: капитанъ Долгоруковъ исчезъ, безслѣдно исчезъ въ одну ночь. Ходили разнаго рода слухи, догадки—и даже деньщика его не оказалось на квартирѣ капитана. Говорили, что въ роковую ночь кто-то видѣлъ троичную повозку, отъѣзжавшую отъ квартиры Долгорукаго съ ямщикомъ и двумя пассажирами. Поговорили, посудили тихомолкомъ объ этомъ событіи, а капитанъ все-таки пропалъ, безслѣдно пропалъ.

Минуло около двухъ лѣтъ послѣ исчезновенія Долгорукаго.—Не стало императора Александра: воцарился Николай Павловичъ и совершилось паденіе всемогущаго временщика. Появился наконецъ и Долгоруковъ, изможденный, убѣленный сѣдиною, со всѣми признаками надломленной жизни. Два года несчастный, жертва необузданнаго своеволія, томился въ казематахъ Шлиссельбургской крѣпости. Произведенный въ подполковники, съ зачетомъ двухъ страдальческихъ лѣтъ въ этомъ чинѣ, онъ скоро переселился въ вѣчность.

И мнѣ привелось одинъ разъ въ жизни встрѣтить всемогущаго графа. Это было давно, въ лѣта моего дѣтства, но и теперь еще живо рисуется въ моемъ воображеніи его высокая, сгорбленная фигура съ мрачнымъ выраженіемъ лица, закутанная въ поношенную енотовую шубу, въ трехугольной шляпѣ, надѣтой на головѣ, какъ говорили тогда, шутя, поперегъ улицы, т. е. по формѣ. Зимою, въ началѣ 1825 года, мы съ братомъ, новички-кадеты, шли съ отцемъ около стараго арсенала, зданія, существовавшаго на мѣстѣ, съ котораго начинается нынѣ монументальный Александровскій мостъ черезъ Неву.

— Генералъ — сказалъ намъ отецъ, напомнивъ этимъ, что мы обязаны были отдать честь, шедшему намъ на встрѣчу, военному офицеру.

Мы съ братомъ остановились, повернулись во фронтъ, что сдѣлалъ и отецъ нашъ, приложивши руку къ шляпѣ: онъ былъ въ отставной военной формѣ.

— Мое почтеніе, — произнесъ сурово, носовою нотою, встрѣтившійся генералъ. — Это ваши дѣтки, — хорошо, молодцы — видно, что дѣти военнаго!

— Кто это? — спросилъ я отца, когда прошелъ генералъ.

Отецъ осторожно оглянулся назадъ — и, наклонившись, шопотомъ, таинственно произнесъ:

— Графъ Аракчеевъ — запомните его, онъ строгій, очень строгій человѣкъ.

И запомнили мы его. — И сколько наслышались и начитались, впослѣдствіи, сказаній объ этомъ строгомъ человѣкѣ.

К. А. Измайловъ.

Свенцяны.
Февраль. 1881.